

Колючие ветви-узор тянулись от левого манжета вдоль руки к самому сердцу, где расцветала роза. Чёрные лепестки раскрывались свободно и дерзко. Казалось, будто лёгкий ветерок колышет их — так живо и натурально смотрелось.

Эту вещь Янь Цзою любил по-настоящему, безумно любил.

Просить надо было со смирением, поэтому Янь Цзою, обращаясь к фотографу, который не сводил с него глаз, обнажил безупречные восемь зубов:

— Мастер Чэнь.

Чэнь Иван подбежал, весь внимание и услужливость:

— Мастером меня не зови. Что, Янь? Вопросы есть?

— Чьё это платье? Кто дизайнер?

Улыбка на лице Чэнь Ивана потускнела. Он окинул Янь Цзою оценивающим взглядом и сделал вид, что задумался:

— Честно говоря, не знаю. Понравилось? Если хочешь, потом спрошу.

Как можно не знать, чья работа на съёмочной площадке? Но, подумав, что Чэнь Иван вряд ли станет его обманывать, Янь Цзою просто кивнул:

— Ладно.

Съёмки наконец начались.

И усилия Чэнь Ивана за последние полгода не пропали даром. Тот, кого он жаждал заполучить все эти месяцы, теперь стоял перед его объективом. Тщеславие было удовлетворено полностью.

Супермодель и есть супермодель. Чувство кадра — выше всяких похвал, не то что у обычных моделей.

Эта элегантность и аристократизм, переполняющие кадр, могли довести до носового кровотечения даже такого грубияна, как Чэнь Иван, не говоря уже о девчонках, столпившихся в отдалении.

Кадры выходили что надо — просто идеальными.

Янь Цзою лежал на кушетке из красного дерева, из-под брюк выглядывал край чёрного носка. Поза была расслабленной, глаза прищурены, но взгляд — вызывающий, надменный, бросающий вызов всему миру. В уголке губ играла едва уловимая улыбка. Не понять, о чём он думает. Но чем не понятнее, тем больше хотелось разгадать.

Под светом софитов чёрная роза на груди переливалась, словно шёлк.

Манила и дразнила, сводя с ума.

Янь Цзою менял позы и выражения, помогая Чэнь Ивану делать один безупречный кадр за другим.

Но человеку всегда мало. Получилось хорошо — хочется ещё лучше. Снимая, Чэнь Иван вдруг

почувствовал пустоту, будто чего-то не хватало. Модель была прекрасна, проблема не в ней, а в нём самом, но сформулировать её он не мог. Внезапно его пыл, только что разгоревшийся, угас наполовину.

В чём же дело? Чэнь Иван ломал голову. Обычно он был улыбчив и добродушен со всеми, но, взяв в руки камеру, преобразался — становился другим человеком. Окружающие, заметив его напряжённое выражение лица, затаили дыхание, боясь пошевелиться.

Чэнь Иван относился к своим работам педантично, был придирчив до занудства, даже одержим.

И наконец, перед съёмкой последнего наряда, его осенило. Он в профессии почти двадцать лет — пора бы сделать рывок! А Янь Цзою — тот самый шанс, который нужно использовать любой ценой.

Чэнь Иван хлопнул себя по затылку, взобрался на площадку и, приняв вид подозрительного дяденьки, обратился к Янь Цзою:

— Янь, может, сменим наряд? Следующий не очень.

Выглядело это так, словно хитрющий тип пытается соблазнить несовершеннолетнего.

— Какой?

Чэнь Иван ткнул пальцем в сторону почти прозрачной белой ткани:

— Вот этот.

Авторское примечание:

Ла-ла-ла, ла-ла-ла...

Гу Та считал, что у Янь Цзою брезгливость.

Да, он должен так думать.

Ведь есть вещи и похуже брезгливости. ●▽●

Сексуальная брезгливость да ещё гордыня — это не для скрытных натур!

Глава 5. Всё время хочется устроить что-нибудь

Услышав, что фотограф внезапно решил сменить наряд, да ещё на откровенный, девчонки пришли в больший восторг, чем сам Чэнь Иван. Это же настоящий подарок! Они уставились на место переговоров, не отрывая глаз.

Янь Цзою, сидя в кресле, принял от Чэнь Ивана воду, сделал глоток и промочил горло:

— Нет.

Продавать тело ради фотосессии и скандальной славы — такого он не признавал раньше, а сейчас в этом и вовсе не было нужды.

Чэнь Иван отчаянно надеялся на его согласие, и после этих слов его лицо вытянулось, словно

подмороженный баклажан. Осознав, что перегнул палку, он, боясь быть неправильно понятым, поспешил объяснить:

— Янь, я не это имел в виду, не подумай чего! Я уважаемый фотограф, никаких тёмных наклонностей у меня нет.

Янь Цзою водил пальцем по экрану телефона:

— На сегодня хватит. Я неважно себя чувствую, устал. — Сказав это, он уставился на Чэнь Ивана, разглядывая его с интересом: старикашка забавный.

Чэнь Иван ещё строил планы, как уговорить Янь Цзою сменить наряд, но, услышав, что тот отказывается сниматься, нахмурился так, что брови сошлись в одну линию.

Поскольку дело зашло в тупик, нужно было идти на компромисс, уступить друг другу:

— Ладно, ладно, не будем менять. Остаёмся на прежних нарядах, договорились? Всего полчаса — и закончим.

Янь Цзою взглянул в окно. На улице уже стемнело, вдали висела полная луна. Вспомнил, стирали ли его платье, — и почему-то внутри всё похолодело. Он скривился: нужно идти за своей вещью.

— Не буду сниматься, и всё.

На улице кипела жизнь, город сверкал неоновыми огнями.

Янь Цзою по-прежнему был в тех самых белых тапочках из отеля. Волосы, собранные в хвост резинкой, перед уходом жалостливая визажистка из «Жу Фэй» вдруг решила уложить в пучок — и не отпустила, пока не сделала.

Он шёл впереди, Чэнь Иван — следом. Высокий и низкий, худой и полный, впереди и позади. Отвязаться никак не получалось.

Хотя это и был центр города, где такси ловилось на каждом углу, а дороги в основном ровные, качество бесплатных отельных тапочек всё же уступало магазинным.

Подошва уже натирала.

Но сегодня Янь Цзою взбрыкнул. Старик Чэнь хочет его снять? Не снимется он! Однако и Чэнь Иван упёрся: сегодня он сделает кадры с Янь Цзою, хоть ночью.

Наконец они вошли в Древний переулок Феникса. Место было как лабиринт, а гостиница — в самом его сердце. Расположение неплохое.

Жизнь слишком скучна и однообразна, у всех так. Надо самому искать себе развлечения.

Так и началась эта игра в кошки-мышки. Джерри вдруг понял, что дразнить — весело, а Том упрямо гнался за своей мечтой.

Молодой Джерри мог бы легко оторваться от старого Тома, но не делал этого — позволял тому видеть себя, но не догонять.

Раз уж самому хочется поиграть, да ещё и партнёр нашёлся, почему бы и не развлечься?

Перекрёсток, где переулок, идущий с севера на юг, пересекался с идущим с востока на запад.

Янь Цзою быстро шагнул по узкому проходу с востока на запад, как вдруг на повороте раздался глухой удар. Затем в ушах засвистел ветер.

Янь Цзою отлетел на несколько шагов, пошатнулся и рухнул на землю. Виновник столкновения стоял неподвижно в широком переулке «север-юг», глядя на белые кеды пострадавшего. Рука горела огнём; при свете фонаря Янь Цзою поднял её и увидел — кожа содрана.

— Ё-моё, ты что, слепой?! — Янь Цзою словесно выражал своё крайнее неудовольствие!!! И в конце тихонько, сквозь зубы, добавил:

— Д...урак!

Ярость в нём клокотала и рвалась наружу. Человек сбил его, стоит как вкопанный, даже не помогает подняться — явно невоспитанный тип. К таким Янь Цзою подсознательно не испытывал ни капли симпатии.

— Про... прости, я не специально.

Низкий, бархатный голос, звучавший сверху, был полон растерянности. Звучал даже приятно. И, главное, по тону было ясно — этот человек сгодится, чтобы сорвать на нём злость.

— Помоги встать! — Янь Цзою поднял голову и сердито уставился на того, кто его сбил. Только теперь разглядел: парнишка лет семнадцати-восемнадцати. Короткая стрижка, узкие глаза, белая футболка, белые штаны. Немного полноват, но не сильно, черты лица правильные, чистый такой. И самое главное... невысокий.

Внутри ёкнуло от радости — с ним вообще сплошное удовольствие!

Услышав это, Гу Та замялся. У того же брезгливость, как его поднимать? Вдруг станет плохо?

<http://bllate.org/book/16261/1463066>